

А снег
всё шёл

Кудряшов Григорий

Григорий Кудряшов

А Снег Всё Шёл

«Автор»

2026

Кудряшов Г. Д.

А Снег Всё Шёл / Г. Д. Кудряшов — «Автор», 2026

Георгий бредёт сквозь снегопад по вечернему городу. Его жизнь — бесконечный круг одиночества, пустых карманов и чужих имён, которые ему навязывают. Он давно перестал чувствовать себя реальным и не ждёт от мира ничего, кроме равнодушия. Внезапный миг, когда мир переворачивается и замедляется, заставляет его поднять голову. Впервые за много лет он видит не асфальт, а небо, не толпу, а снежинки — и в этом белом безмолвии проступает что-то важнее имён, денег и привычной тоски. Этот миг длится всего несколько мгновений, но он может навсегда изменить всё — или стереться, как след на снегу. Если Георгий не удержит это прозрение, он вернётся в свою пустоту, где его снова будут называть не тем именем. Но если решится — он наконец узнает, что его жизнь принадлежит только ему.

© Кудряшов Г. Д., 2026

© Автор, 2026

Григорий Кудряшов

А Снег Всё Шёл

А снег всё шёл

Снег валил третьи сутки — густой, настойчивый, словно небесная канцелярия решила списать за год все невыпавшие осадки. Город тонул в нём без паники, молча, как огромный корабль, у которого отказали все двигатели, но он ещё даже не накренился. Витрины светились размытыми жёлтыми пятнами, фары машин выхватывали из темноты мечущиеся белые хлопья, и в этом свете снег на секунду становился видимым, осязаемым, а потом снова растворялся в серой мгле. Вывески, фонари, светофоры — всё превратилось в размытые акварельные мазки, город утратил резкость очертаний и сделался похож на старую фотографию, которую забыли вынуть из проявителя. Звуки тоже изменились: гул машин стал глуше, шаги прохожих — мягче, и даже редкие автомобильные гудки доносились будто сквозь толстое ватное одеяло. Снег съедал шум, как время съедает память.

Георгий стоял в прихожей, застёгивая молнию на куртке до самого подбородка, и уже жалел, что вышел. Но дома оставаться было нельзя. Квартира — стандартная однушка на девятом этаже, двадцать шесть квадратных метров, которые он когда-то гордо называл «своим углом», — в этот вечер ощущалась склепом. Холодильник гудел свою бесконечную монотонную песню, за окном мельтешил снег, а он сидел на кухне и смотрел в одну точку уже битый час. В раковине — невымытая кружка с остатками растворимого кофе. На столе — телефон с уведомлением от банка о списании квартплаты. На полу — тапочки, которые он машинально поставил ровно, хотя никто не оценит. И это «никто» вдруг навалилось всей своей бетонной тяжестью. Он натянул свитер, куртку, шапку — и почти выбежал. Не из дома — из тишины. Она была там такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом. Даже звук застёгиваемой молнии прозвучал как вызов этой тишине — резкий, металлический, почти героический.

Он шагнул на крыльцо, и снег сразу ударил в лицо — не злой, не колючий, а мягкий, почти ласковый, но до обидного равнодушный. Под ногами скрипнуло, и звук этот показался чужим, словно принадлежал другому человеку, который просто взял его имя. Георгий — нет, не Григорий — сунул руки в карманы и пошёл вдоль проспекта, никуда не торопясь. Карманы были пусты, если не считать мятой пачки сигарет, которые он так и не бросил, и зажигалки с полустёртым логотипом какого-то бара, где он не был уже года три.

Имя. Вот вечная заноза. Тридцать четыре года он носит это имя, и тридцать четыре года окружающие с упорством, достойным лучшего применения, переименовывают его на свой лад. Георгий. Победоносец. Змееборец. В паспорте чёрным по белому. Но коллеги, троюродные тётки, даже участковый врач в поликлинике — все с какой-то необъяснимой лёгкостью превращают его в Григория. Гриша, Гришенька, Григорий Иванович. Как будто быть Георгием — это привилегия, которую ещё надо заслужить, а он пока не дотянул. Как будто его настоящего недостаточно, и миру проще выдать ему запасную, более удобную для произношения личность. Он давно перестал поправлять. Только внутри каждый раз что-то сжималось — маленькая пружина одиночества, делающая ещё один виток. Сейчас эта пружина была сжата до предела. Он вспомнил вчерашний разговор с мамой по телефону. «Гришенька, ты там не мёрзнешь? Шапку-то надел?» Он ответил: «Надел», — и не стал поправлять. Что толку? Она звала его Гришей с детства, потому что так звали его отца, которого Георгий почти не помнил. Может, она видела в нём не сына, а продолжение мужа? Или просто привычка. Люди вообще редко вдумываются в слова. Имя — это звук, ярлык, не более. Но отчего-то каждый раз, когда его называли Григорием, он чувствовал себя стёртым, как монета, на которой уже не разобрать год чеканки.

Двор кончился, и он вышел на проспект. Улица была заполнена людьми, несмотря на снегопад. Все куда-то спешили, придерживая воротники, скользя по тротуару, пряча лица в шарфы. Каждый был сам по себе, как отдельная планета с собственной орбитой, и эти орбиты не пересекались. Георгий шёл сквозь толпу, и никто не смотрел на него. Он мог бы исчезнуть прямо сейчас — раствориться в снежной круговерти, — и никто бы не заметил. В этой мысли была странная свобода, почти успокоительная. Невидимка. Человек-невидимка, которого даже имя собственное не держит.

Он проходил мимо продуктового магазина. Окна светились резким неоновым светом, за стеклом толкались люди с корзинами, и на большом плакате красовалась акционная цена на гречку. Девяносто два рубля. В прошлом году — сорок. Зарплата выросла в два раза. Цены — в три. Он мысленно произвёл несложное арифметическое действие и понял, что стал беднее примерно на треть. Он вспомнил, как полгода назад сидел в кабинете начальника, и тот торжественно объявлял о повышении. «Вы этого заслужили, Георгий... э-э-э...» — начальник запнулся, глядя в бумаги, и Георгий с ужасом понял, что тот сейчас тоже ляпнет «Григорий». Но обошлось. Начальник просто не назвал его никак. А теперь эта прибавка к зарплате таяла быстрее, чем снег на ладони. Он пересчитывал бюджет в уме уже в сотый раз: аренда, еда, проезд, лекарства от давления, которые он покупал матери. Оставалось — кот заплакал. И ведь он не шиковал. Не покупал дорогих вещей, не ездил в отпуска. Просто жизнь сама по себе стала предметом роскоши. Инфляция — это не цифры в новостях, это когда твоя собственная жизнь обесценивается с каждым днём. Работаешь больше, а получаешь меньше. Уравнение, которое не сходится, сколько ни бейся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.